

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Э.Н. Ожиганов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Определение и оценка «политической квалификации» групп господства и долгосрочный прогноз их действий составляют первостепенную задачу стратегического анализа, которая имеет несколько граней и может решаться с помощью различных подходов и средств. Группы господства имеют определенные интересы, стратегическое управление которыми — успешное или бездарное — составляет существенную часть их «игрового» поведения, относительная результативность которого в определенные отрезки времени является более или менее вычисляемой. В свою очередь, «игровое поведение» групп господства сильно зависит от характеристик стратегической культуры, что становится очевидным в свете их сравнительного анализа (к примеру, британской [18] или иранской [8] моделей).

Ключевые слова: стратегическая культура, группы господства, политические интересы, политический анализ.

Определение и оценка «политической квалификации» групп господства и долгосрочный прогноз их действий составляют первостепенную задачу стратегического анализа, которая имеет несколько граней и может решаться с помощью различных подходов и средств.

Кен Буз в своей работе «Стратегическая культура: достоверность и ее определение» говорит о том, что стратегическая культура определяет образцы поведения при решении проблем войны и мира [5. Р. 25—28]. Она не определяет, как именно акторы будут взаимодействовать с другими участниками в сфере безопасности, однако помогает сформировать общую картину этого взаимодействия. Другие объяснения (например, институциональные или ресурсные ограничения) играют большую или меньшую роль при конкретных обстоятельствах.

Концепция стратегической культуры помогает выстроить модель поведения в таких областях, как использование силовых методов в международной политике,

* Статья написана в рамках исполнения Государственного контракта № 16.740.11.0099 по теме «Политическая стабильность Российской Федерации: методика и концепция анализа, прогнозирования и моделирования» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-инновационные кадры инновационной России»).

чувствительность к внешним угрозам, гражданско-военные отношения, а также при формулировании самой стратегической доктрины.

В результате непрерывности существования этих проблем можно законно говорить об отдельных «стилях» в теории и практике стратегии.

Изучение и проверка достоверности концепции стратегической культуры всегда будут интеллектуально сложной задачей. Применение этой концепции останется скорее искусством, чем наукой; подобно большинству важнейших измерений международной политики, ее положения никогда не будут поддаваться количественным измерениям. Однако рассматриваемая концепция является ключевой и ее игнорирование может повлечь угрозу, например, для академической репутации или даже для национальной безопасности.

Можно выделить шесть основных (перекрещивающихся) причин, объясняющих значимость концепции стратегической культуры.

Во-первых, она разрушает воздействие этноцентризма на все, что подразумевает теорию и практику стратегии. Этноцентризм различными способами влияет на стратегическое взаимодействие, однако его результаты наиболее очевидны в неправильном восприятии друг друга стратегическими акторами.

Во-вторых, понимание стратегической культуры является фундаментальной частью одного из основных принципов войны: «Узнав своего врага, познаешь и себя». Это способствует оцениванию стратегическим актором своего поведения согласно собственным характеристикам, что является отправной точкой понимания.

В-третьих, следует отметить связанный с предыдущим способ, которым стратегическая культура обращает наше внимание на важность истории, если мы хотим задать правильные вопросы о мотивации, представлении о самих себе, а также об образцах поведения других.

В-четвертых, это помогает сломать искусственную границу между внутренней средой, в рамках которой осуществляется политика, и внешней средой безопасности. Это напоминает нам, что структуры принятия решений, военные институты, процессы принятия решений — все это функционирует в особых политических культурах. Именно поэтому стратегическая культура привлекает внимание к различиям между национальными государствами, в то время как «научность» в политической науке стремится свести их на нет.

В-пятых, она помогает объяснить очевидную иррациональность в мышлении и поведении тех, кто не был социализирован в культурных традициях эксперта-наблюдателя. Это улучшает способность общаться и взаимодействовать с другими акторами.

Наконец, понимание переменных стратегической культуры может быть критически важным для оценки сценариев и угроз, поскольку дает возможность уловить нюансы и понять способ действий актора в больших и малых вопросах.

Д. Лантис в своей статье «Стратегическая культура: понимание сути стратегии от Клаузевица до конструктивизма» поднял ряд ключевых проблем, имеющих принципиальное значение для теории и исследований в данной области:

— обеспечивают ли различные теории стратегической культуры адекватное объяснение выбора политики национальной безопасности?

— характеризуется ли стратегическая культура неким постоянством или же она способна развиваться в течение долгого времени?

— насколько она универсальна [21]?

В 1977 г. Джек Шнайдер, развивая теорию стратегической культуры для объяснения советской военной стратегии, привнес политико-культурный элемент в исследования по безопасности. Д. Шнайдер предложил элитам ясно сформулировать свои представления по поводу стратегической культуры, связанной с принятием решений в области военной безопасности. Это послужило бы более объемлющим выражением общественного мнения теми, кто обладает особым стратегическим мышлением. Он утверждал, что «в результате этого процесса ряд общих верований, отношений и образцов поведения относительно ядерной стратегии достигли полуперманентного состояния, которое обуславливает их место на уровне некоей культуры, а не просто политики» [20].

Статья Шнайдера произвела резонанс в аналитическом сообществе, изучающем проблемы безопасности.

В последующих работах, таких, как работа Кена Бута «Стратегия и этноцентризм», продолжилось рассмотрение сущности ядерной стратегии и отношений между супердержавами (См.: [6]).

Колин Грей также отметил отличие национальных стилей стратегии, обусловленных спецификой исторического опыта. Этот вывод помог охарактеризовать принятие стратегических решений в таких странах, как США и СССР.

К. Грей дал следующее определение стратегической культуры: обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящие корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения в критических ситуациях. К. Грей также учитывал развитие гражданской культуры общества и его образ жизни [11. Р. 35—37].

Как и Д. Шнайдер, К. Грей придерживался мнения, что стратегическая культура оказывает практически постоянное влияние на политику безопасности. Идеи обоих ученых привлекли внимание к роли внутренних условий при формировании политического курса национальной безопасности, однако, по оценке ряда критиков, операционализация понятия стратегической культуры неизбежно носит субъективный характер.

По их мнению, взаимосвязь элементов в тех или иных моделях стратегической культуры настолько прочна, что в них практически невозможно вычленить зависимые и независимые переменные. По этой причине стратегическая культура характеризуется ими как тавтологическая конструкция.

Критически настроенные исследователи также были недовольны узкой применимостью различных интерпретаций рассматриваемого термина. В этой ограниченности они усматривали сходство с антропологией. Помимо этого, и сторонники, и оппоненты считали стратегическую культуру довольно статичной, неподверженной развитию.

Даже те, кто поддерживал теорию стратегической культуры, призывали к более осторожному применению ее положений.

К. Грей, например, утверждал, что социология не смогла развить точной методологии для идентификации национальных стилей и культур.

Литература 80—90-х гг. XX в. по академически «немодному» предмету национального характера в лучшем случае напоминала нарративы, но К. Грей упорно придерживался своей позиции и продолжал исследовать национальное культурное мышление. Именно в этом он видел критическую важность для понимания внешнеполитического поведения страны.

К. Бут назвал формирование военной стратегии «сугубо этноцентрическим процессом», а Д. Кляйн утверждал, что «сравнительное, всеобъемлющее исследование формирования, воздействия и процесса изменения стратегических культур ведущих мировых держав в настоящее время» должно внести свой вклад в изучение феномена военной политики [15; 16; 25]. Но все эти споры по понятным причинам утихли после окончания холодной войны.

В 90-х гг. третье поколение академического сообщества США, занятого изучением политики национальной безопасности, подтвердило целесообразность рассмотрения стратегии через призму культуры. Частично прогресс развития теоретической мысли в области теории стратегической культуры был связан с развитием конструктивизма.

Так, А. Вендт утверждал, что особенности и интересы государства могут быть рассмотрены как социально-сконструированные посредством адекватного практического анализа [23. Р. 392].

Конструктивизм признает важность межсубъектных отношений, придающих значение материальному миру, включая нормы, культуру, особенности и определенные модели государственного поведения во внешней политике.

По мнению Т. Хопфа, эта концепция в перспективе способна выявить внутренние особенности страны, ее политики и культуры, которые бы детерминировали специфику поведения государства на мировой арене [12. Р. 914].

В конструктивистском подходе все исследования направлены на поиск индивидуальности того или иного государства, обусловленной его организационными характеристиками, историей, традициями и культурой. По мнению В. Гудзон, конструктивизм рассматривает культуру как развивающуюся систему, которая в самом общем смысле оказывает влияние на восприятие, коммуникации и действия различных акторов. Культура задает некие рамки поведения. При наступлении момента принятия важного политического решения стратегическая культура помогает сформировать саму структуру, отображающую ситуацию. Проще говоря, она формирует некий каркас ситуации [13. Р. 28—29]. Конструктивисты в своем системном анализе основное внимание сосредотачивают на социальной структуре, особо акцентируясь на нормативном аспекте международной безопасности. При этом нормы трактуются как межсубъектные верования касательно общества и мира в целом, определяющие поведение акторов, их различные тактики действия.

Серьезный вклад в исследования стратегической культуры внесли Н. Таневулд с ее работами о норме нераспространения и запрете ядерного оружия, а также В. Легро, писавший о военной сдержанности в период Второй мировой войны [22. Р. 5—49].

Работа А. Джонстона «Культурный реализм: стратегическая культура и великая стратегия в китайской истории» (1995) рассматривается как наиболее важная

в т.н. третьем поколении исследований стратегической культуры. В ней изучается стратегическая культура Китая, ее становление, сущность и характер.

В своем исследовании А. Джонстон определяет понятие стратегической культуры как представляемую стратегическую ситуацию, которая предопределяет спектр моделей поведения в ней и способствует выбору конечного действия [14].

А. Джонстон выбирает весьма нетрадиционные методы исследования.

Особое внимание он фокусирует на периоде правления китайской династии Мин. Именно она кажется ему наиболее ярким примером, помогающим выявить особенности стратегической культуры Китая. Исследуя историю культурно-стратегического комплекса этой страны, Джонстон утверждает, что Китай использует силу размеренно, не перебарщивая.

Каждое силовое выступление Китая контролируется и никогда не применяется понапрасну. Корни подобной политики безопасности Джонстон находит в прозорливости древних китайских стратегов, не стремящихся к пустой демонстрации мощи, а также в сложившемся мировоззрении относительного превосходства Китая над иными странами.

В завершении своего исторического анализа Джонстон отмечает, что Китай обладал двумя видами стратегической культуры, детерминировавшими принятие решений. Один из них представлял собою символический ряд допущений, оценок и представлений, другой носил практический характер и оказывал серьезное влияние на принятие стратегических решений в период правления династии Мин.

Джонстон утверждает, что Китай обладал уникальными типами стратегической культуры, но в настоящее время многие из этих элементов считаются общей классикой стратегической мысли.

Несколько поколений исследователей пытались вникнуть в суть отношений между культурой и принятием стратегических решений. В этом научном направлении заметны серьезные успехи: были подробно описаны особенности различных культур и выявлены важные связи между внутренними и внешними детерминантами политики национальной безопасности.

В своих исследованиях ученые во многом опирались на данные, полученные из антропологии, истории, социологии, психологии.

Таким образом, налицо междисциплинарный подход. Ученые пытались раскрыть пути, по которым идет формирование и развитие стратегической культуры, что перекликается с идеями конструктивизма. Обзор научной литературы указывает, что необходимо выработать определенную программу для обработки результатов исследований. Необходимо сформировать общепризнанную дефиницию стратегической культуры, определить те способы, с помощью которых она создается, поддерживается, передается из поколения в поколение.

Также необходимо решить вопрос об универсальности этой культуры, исследовать модели взаимодействия между внутренними и внешними детерминантами политики безопасности.

В то время как некоторые ученые предполагают, что принятие новых культурных моделей повлечет фундаментальное отклонение от базовой структуры, современные исследователи приходят к выводу, что обширные модели государственного поведения могут получить развитие в случае, если они будут реалистичны.

Обращаясь к вопросу об определении стратегической культуры, можно отметить, что вопреки неореалистам, некоторые ученые полагают, что вполне уместны несколько вариантов трактовок. Но все же большинство специалистов считают необходимой строгую дефиницию понятий, которую можно было бы вывести из всех предложенных вариантов как некую золотую середину.

Можно было бы предположить, что в ходе долгих академических исследований стратегическая культура должна стать независимой «переменной» при рассмотрении процесса принятия стратегических решений. Но этого не произошло. Определение стратегической культуры, данное Шнайдером, который рассматривает ее как набор полупостоянных верований, аттитюдов и образцов поведения политических элит, перешедших в отличительный образ мышления, оказалось наиболее влиятельным на протяжении многих десятилетий. На сегодняшний день ученые более или менее сходятся во мнении, что существуют отличные стратегические культуры, но строгие дефиниции все еще не даны.

Определение культуры Л. Пая, рассматривающего ее как динамическую структуру, которая закрепляет и оживляет коллективные идеи путем обращения к традиции, является показательным примером. В его трактовке стратегическая культура выступает в роли генератора, возобновляющего в сознании людей их предпочтения, определенные традициями, а также как средство увековечивания и закрепления «ценностей» [17. Р. 20—22].

Вопрос об общем определении стратегической культуры все еще остается открытым.

Разумеется, можно наблюдать заметные улучшения в последнем поколении работы над осмыслением этой концепции.

Исследования носят более сосредоточенный и слаженный характер, в центре академической мысли находятся вопросы принципов стратегической культуры и определения зависимых переменных при принятии решений. Но говорить о высокой степени изученности стратегической культуры все же еще рано, а поле для исследований очень широко.

Понимание стратегической культуры как совокупности ряда установок и образцов поведения по поводу принятия политических решений неизбежно ставит перед нами вопрос о том, как они принимается и кем. Большинство исследователей предпочитает определять политическую и стратегическую культуры через их принадлежность к общности, а не к отдельным индивидам, составляющим эту общность.

М. Вильсон предложил следующую дефиницию стратегической культуры: «В самом общем смысле политическая культура является социально сконструированной нормативной системой, базирующейся на социальных (нормы, правила) и психологических (индивидуальные предпочтения) посылках, несводимых друг к другу».

Политическая культура не является простой суммой предпочтений индивидов, ни тем более предпочтениями, исходящих из нормативных предписаний» [24. Р. 246—273].

Понимание стратегической культуры как важного идейного источника национальных предрасположенностей, а следовательно, и источника политики безопасности, указывает на глубинные корни поведения государств.

При проявлении стратегической культуры через познавательные и оценочные категории можно попытаться выявить тех акторов, которые привносят и создают эти ценности.

Фактически деятельность различных политических лидеров и институтов развивает направления внешней политики и формирует последующую историческую интерпретацию.

Из развития внешнеполитического курса следуют стремления различных игроков к созданию коалиций и нахождению консенсуса.

Некоторые ученые усматривают носителей стратегической культуры в чиновниках, составляющих правительственные органы, которые занимаются творением политики. На стратегической культуре непременно отразятся стандартные, рутинные рабочие процессы. Другие считают, что стратегическая культура может быть понята только как комбинация норм и политических институтов, находящихся в состоянии взаимозависимости.

Чаще всего именно элиты оказывают влияние на ход истории.

Большинство ученых разделяет вполне логичную позицию, согласно о которой именно элиты способствуют определению целей и задач государственной политики, в том числе внешней, а также подвергают ее реконструированию в случае нарушения баланса системы.

Кроме того, академическое сообщество сходит в мнении, что элиты постоянно стремятся к сохранению своего статус-кво. Признается тот факт, что стратегическую культуру следует характеризовать как нахождение консенсуса среди элит. На публике лидеры ясно показывают свое уважение к таким прочно утвердившимся понятиям, как многосторонность и историческая ответственность, однако политические элиты выборочно относятся к традициям стратегической культуры. Хотя они и действуют в рамках существующей культуры принятия решений, но в тех или иных ситуациях элиты отклоняются от нее. В итоге современные исследователи склоняются к выводу, что лидеры пользуются стратегической культурой, пересматривая ее границы в зависимости от политических обстоятельств.

Политические институты, такие, как партии и различные внутригосударственные коалиции, также оказывают существенное влияние на модели внешнеполитического поведения. Литература, посвященная стратегической культуре, указывает на то, что государственное поведение является функцией определенных институциональных ориентаций.

Например, при исследовании политических решений Германии и Японии 90-х гг. XX в. было установлено, что их стратегическая культура отличалась устойчивостью. Но ее хранителями, скорее всего, выступала не военная бюрократия. В Германии ведущий контроль над внешней политикой осуществляет министр иностранных дел, а в Японии несколько политических институтов регулирует внешнеполитическое направление.

Таким образом, конкретное влияние военной бюрократии на выработку стратегической культуры является делом случая, так как в современном мире нельзя не учитывать воздействие других политических институтов и специфику процесса принятия решений в демократических государствах.

Большинство исследований, посвященных стратегической культуре, фокусируется на том, что выбор той или иной модели поведения государством является непрерывным процессом.

Например, Г. Экштейн предположил, что осознание и реализация ценностей и верований происходит в течение длительного времени [10. Р. 796]. Прошлые знания становятся «осадочными» в коллективном сознании, накладывая несомненный отпечаток на новую информацию, при этом с трудом подвергаясь серьезному изменению. Однако последние исследования показали, что в течение долгого времени стратегическая культура может изменяться.

Согласно этой позиции, если стратегическую культуру формируют историческая память и политические институты (при этом учитывается взаимозависимость акторов, постоянный поиск относительно устраивающей всех договоренности), то вполне логично, что курсы внешних политик всех стран мира подвергаются преобразованиям. Такому выводу способствовали изучение реструктурирования внешней политики и некоторые идеи конструктивистов.

События 11 сентября 2001 г. привлекли особое внимание к проблеме роли стратегической культуры. Один из наиболее интригующих вопросов связан с определением акторов, оказывающих наибольшее воздействие на формирование стратегической культуры. Возникает целый ряд вопросов — например, в каком политическом режиме, авторитарном или демократическом, можно четче выявить особенности культуры принятия стратегических решений? Могут ли быть стратегические культуры у негосударственных игроков? Может ли быть та или иная форма стратегической культуры у региональных акторов?

На сегодняшний день конструктивизм может бросить парадигматический вызов структурному реализму в рамках изучаемой дисциплины, однако большинство сторонников теории стратегической культуры решили вернуться к более скромным исследованиям взаимосвязи культуры и политики национальной безопасности. На самом деле оба подхода схожи, причем даже в большей степени, чем некоторые могли бы предположить. Цель научного сообщества состоит в преодолении барьеров на пути интеграции обоих подходов и в создании более совершенной концепции, объясняющей формирование, исполнение и изменение стратегической культуры. Одним из таких барьеров является защитная реакция неореалистов, утверждающих, что культуралисты и конструктивисты стремятся вытеснить их подход.

Конструктивизм привлек внимание к культурным переменным и стимулировал третье поколение исследований.

Но остается вопрос: насколько далеко могут зайти исследования стратегической культуры, сохраняя то или иное подобие научной значимости?

В этой связи подает надежду изучение стратегической культуры Индии Р. Барсуром. Но и здесь возможен отказ от определения ключевых игроков [1. Р. 181—198]. К. Бут в соавторстве с Тродом также выпустил сборник, посвященный стратегическим культурам стран Азиатско-Тихоокеанского региона [7. Р. 22]. Но, по-

скольку их теория основывается на постпозитивизме, они обходят пути продвижения интересующих культурологических концепций.

Напротив, они говорят о том, что такие исследования слабо учитывают строгие причинно-следственные связи.

По утверждению Д. Чекеля, конструктивисты продвинулись в расширении теоретических границ исследования международных отношений через анализ международных норм и идей [9. Р. 324], но здесь остается онтологическая проблема, связанная с редуцированием одного объекта анализа, выраженного агентами, к другому, выраженному нормами.

Подобное сведение одного аспекта исследования к другому недопустимо, поэтому конструктивистам необходимы дополнительные основания при работе с эмпирическим материалом.

Здесь мы должны определиться с некоторыми понятиями, что представляется совсем не схоластическим занятием.

Опасная для понимания сути предмета путаница связана с распространившимся в управленческих науках, а за ними и в обыденном сознании, представлением о стратегии как «генеральном плане» развития какой-либо организации или области деятельности. «Это предмет, который разрабатывается, с которым можно ознакомиться, пересмотреть, изменить и — что наиболее неверно — который можно воплотить. О кампаниях говорят, что у них есть стратегия или ее, к сожалению, им недостает. Существуют, конечно, и те, кто подчеркивает, что стратегия — это процесс, но и они просто говорят о процессе (планировании), который приводит к созданию этого предмета» [2. С. 54].

Можно понять людей, как практиков, так и ученых, которые, прибавив слово «стратегический» к своим планам развития чего угодно — от медицины до субъектов федерации, стремятся придать им дополнительное значение по сравнению с рутинным планированием. Но, несмотря на прилагаемые усилия, мы имеем дело всего лишь с пустым словоупотреблением, не более того.

Говоря по-другому, административное сознание склонно путать стратегический анализ с планированием, и если такая путаница начинает доминировать в дискурсе о стратегиях, это свидетельствует о преобладании бюрократического «стиля» или «культуры» мышления.

Хотя элементы планирования встречаются повсюду в стратегических расчетах, они не составляют сущность стратегии. Стратегия — это проектирование политических действий и овладение ключевыми факторами политической ситуации с целью достижения господства в какой-либо сфере интересов. «Господство» определяется как возможность обеспечения послушания приказам определенного содержания, а основным признаком господства считается способность аппарата управления гарантировать «порядок» на данной территории путем угрозы или применения физического или психического насилия. Господство является одной из форм доминирования, которая означает возможность осуществления воли внутри определенного социального порядка, даже вопреки сопротивлению (при этом безразлично, откуда такая возможность проистекает).

В работах начала XXI в. по стратегическому анализу присутствует общая терминология и некоторые универсальные исходные установки, отражающие такое

понимание сути дела. К примеру, в книге Ч. Ричардса «Уверен в победе», ставшей бестселлером, рассматриваются возможности реализации теории стратегии полковника ВВС США Джона Р. Бойда в мире бизнеса [19].

Бизнес — не война, но по своей сути — форма конфликта, когда одна группа может быть успешной только в случае, если другая частично или полностью уступает свои позиции.

Дж. Бойд и его последователи внесли свой вклад в теорию стратегического анализа, связанный с алгоритмом НОРД (в английском варианте — OODA, т.е. «наблюдение», «ориентация», «решение» и «действие»), не отступая от базовых идей определенной традиции или культуры стратегического мышления.

Сфера стратегических исследований иногда рассматривается как «царство» военных наук, где речь идет о принципах и способах достижения превосходства одной из сторон с помощью применения вооруженной силы. Но и здесь признана необходимость анализа и оценки экономических, социальных и психологических факторов, воздействующих на исходы вооруженных действий. Особенно в последнее время, в связи с изменением характера войн и появлением новых угроз безопасности.

Уяснению соотношения между различными дисциплинами, в которых применяются концепции стратегии, может помочь схема в виде трех концентрических кругов: в центре будет находиться военная наука (объединение технологий, организации и тактики с целью достижения превосходства над противником); область стратегических исследований будет представлена средним кругом (взаимодействие политических целей и военных средств под воздействием социальных, экономических и других факторов); внешний, наиболее широкий круг — исследования безопасности (все аспекты, относящиеся к безопасности общества и государства) [4. Р. 8—9].

В теории любую стратегическую ситуацию можно расчленить на элементы различного порядка, от географии до культуры (или, как определял Карл фон Клаузевиц, «моральные элементы»). Вместе с тем, считал Клаузевиц, «если бы кто-нибудь вздумал вопросы стратегии толковать по этим элементам, то это была бы самая неудачная мысль, какая только может прийти в голову, ибо чаще всего в конкретных военных операциях эти элементы самым тесным и сложным образом сплетаются между собою; мы бы в таком случае погрузились в самый безжизненный анализ и как в кошмаре тщетно пытались бы перекинуть мост от этого абстрактного устоя к явлениям действительного мира. Да хранит небо всякого теоретика от столь пагубного начинания» [1. С. 332].

Между прочим, любую попытку пренебречь значением «духовной» сферы под предлогом «строгости» научного анализа он называл «бредятиной». «Еще смешнее становится, — говорил он, как бы предвидя подобные заходы в настоящее время, — если к этому добавить, что та же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится к 2—3 математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу

для школьника. Но согласимся раз и навсегда: здесь не может быть и речи о научных формах и задачах; соотношения материальных элементов крайне просты; труднее уловить поставленные на карту моральные силы. Однако и в этой области сплетение явлений морального порядка и большое разнообразие моральных величин и их соотношений можно найти лишь в высших сферах стратегии, там, где она граничит с политикой и государствоведением, или вернее, где она сама становится и тем и другим» [1. С. 110].

Разрешение противоречия теории с действительностью на поле стратегии кроется в личности самого стратега (или стратегического сообщества, говоря современным языком), который должен обладать особыми свойствами, прежде всего даром «синтетического» видения ситуации. «Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, умом, способным прорезать мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину; во-вторых, мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском. Первое свойство образно обозначается французским выражением «*coup d'oeil*», второе — *решимость*» [1. С. 110].

Собственно, эти суждения Клаузевица и задают масштабы для сравнительного анализа «стратегий национальной безопасности».

Стратегическая культура, среди прочего, — это способность стратегического сообщества предвидеть длительные последствия своих решений и принимать их, оценивая множество конкурирующих точек зрения и оценок перед лицом сложных и динамических процессов с весьма неясными исходами.

Стратегическое сообщество должно обладать особым стремлением к проникновению в динамику событий и преодолению тех барьеров неопределенности, изменчивости, сложности и неоднозначности, которые в принципе недоступны для рутинных руководителей. Оценки стратегической культуры, следовательно, зависят от ответов на вопросы о том, какими характеристиками обладают группы господства, ставящие цели для стратегических сообществ в области национальной безопасности, и что собой представляют сами эти сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Клаузевиц К.* О войне. — Изд. Эксмо, Мидгард, 2007.
- [2] Стратегия управления по Клаузевицу / Пер. с англ. под ред. Гикзи Тиа фон и др. — М.: Альпина Паблишер, 2002.
- [3] *Basrur R.M.* Nuclear Weapons and Indian Strategic Culture // *Journal of Peace Research*. — March 2001. — Vol. 38. — № 2.
- [4] *Betts R.K.* Should Strategic Studies Survive? // *World Politics*. — 1997 — 50:1.
- [5] *Booth K.* Strategic Culture: Validity and Validation // *The Oxford Journal on Good Governance*. — March 2005. — Vol. 2. — № 1.
- [6] *Booth K.* Strategy and Ethnocentrism. — New York: Holmes and Meier, 1981.
- [7] *Booth K., Trood R.* Strategic Cultures in the Asia-Pacific Region. — New York: St. Martin's Press, 1999.
- [8] *Cain A.C.* Iran's Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction // *Air War College Maxwell Paper*. — April 2002. — № 26.
- [9] *Checkel J.* The Constructivist Turn in International Relations Theory. — *World Politics*. — 1998. — Vol. 50. — № 2.

- [10] *Eckstein H.* A Culturalist Theory of Political Change // *American Political Science Review*. — 1998. — Vol. 82.
- [11] *Gray C.* National Style in Strategy: The American Example // *International Security*. — Fall 1981. — Vol. 6. — № 2.
- [12] *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations // *International Security*. — Summer 1998. — Vol. 23. — № 1.
- [13] *Hudson V.M.* ed. *Culture and Foreign Policy*. — Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1997.
- [14] *Johnston A.I.* *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995.
- [15] *Klein Y.* A Theory of Strategic Culture // *Comparative Strategy*. — 1991 — 10, 1.
- [16] *Kupchan Ch.* *The Vulnerability of Empire*. — Ithaca, New York, Cornell University Press, 1994.
- [17] *Lucian W.* *Pye, Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Authority*. — Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1985.
- [18] *Miskimmon A.* Continuity in the Face of Upheaval — British Strategic Culture and the Impact of the Blair government // *Special Issue, European Security* — Longhurst, Kerry and Zaborowski, Marcin (eds), 2005.
- [19] *Richards C.W.* *Certain To Win: The Strategy Of John Boyd, Applied To Business*. — N.Y.: Xlibris Corporation, 2004.
- [20] *Snyder J.* *The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options, R-2154-AF*. — Santa Monica, Calif.: Rand Corporation, 1977.
- [21] *Strategic Insights*. — Volume IV. — Issue 10 (October 2005). URL: <http://www.ccc.nps.navy.mil/si/index.asp>
- [22] *Tannenwald N.* Stigmatizing the Bomb: Origins of the Nuclear Taboo // *International Security*. — Spring 2005. — Vol. 29. — № 4.
- [23] *Wendt A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. — Spring 1992. — Vol. 46. — № 2.
- [24] *Wilson M.* The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches // *World Politics*. — January 2000. — Vol. 52. — № 2.
- [25] *Wilson R.* *Compliance Ideologies: Rethinking Political Culture*. — New York: Cambridge University Press, 1992.

STRATEGIC CULTURE: THE CONCEPT AND THE DIRECTIONS OF RESEARCH

E.N. Ozhiganov

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The definition and estimation of “political qualification” of the ruling groups and long-term prognosis of their activities is a paramount task of strategical analysis. The ruling groups have their own interests and strategical manipulations with them (both successful and poor) constitute the important part of their “game” behavior, which effectiveness in defined periods is more or less computational. The “game behavior” of the ruling groups by-turn depends on the characteristics of strategic culture. This link is evident under their comparative analysis.

Key words: strategic culture, the ruling groups, political interests, political analysis.